

УДК 316.75, 355.01

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук, доцент.
кафедра социологии и культурологии, профессор,
Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина,
E-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Дулунц Грачик Арменакович.

аспирант кафедры социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина,
E-mail: dga-87@mail.ru

Халакоев Мурат Мухамедович

аспирант кафедры социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина,
E-mail: Tom.jones.80inbox.ru

Julian G. Tambiyants

Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trublin, Department of Sociology and Cultural Studies,
Professor.
E-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Hrachik A. Dulunts

PhD student.
I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University,
Department of Sociology and Cultural Studies, Postgraduate student
E-mail: dga-87@mail.ru

Murat M. Khalakoev

PhD student
I.T. Trublin Kuban State Agrarian University,
Department of Sociology and Cultural Studies, postgraduate student.
E-mail: Tom.jones.80inbox.ru

**ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
(РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ CASE STUDY)**

**WAR AND RUSSIAN STUDENTS
(RESULTS OF A CASE STUDY)**

***Аннотация.** В связи с обострением в последние годы для России внешнеполитического контекста актуализируется военная тематика, которая решается в рамках модели демобилизационного общества. Тем не менее не исключено в будущем вовлечение более широких слоев общества, в связи с чем приобретает интерес отношение к феномену войны студенческой молодежи. Статья посвящена осмыслению результатов исследования, проведенных через методiku case study – респондентам предлагалось осмыслить две противоположные оценочные позиции на войну, обозначив приверженность одной из них. Результаты исследования показывают, что в целом исследуемые аспекты сознания молодых людей (прежде всего юношей) вписываются в тренды демобилизационного общества, в большей степени склоняясь к осуждению войны (установка миролюбивого гуманизма), чем к видению ее как испытания и средства самоутверждения (модель традиционной мужественности). Подобная картина вполне адекватна нынешним тактическим задачам, но в случае актуализации стратегических перспектив потребует адекватных мер для, как минимум, серьезной корректировки.*

***Ключевые слова:** демобилизационное общество, метод case study, роман «На линии огня», миролюбивый гуманизм, модель традиционной мужественности.*

Abstract. *In connection with the aggravation of the foreign policy context for Russia in recent years, military issues are being updated, which are being resolved within the framework of the model of a demobilization society. Nevertheless, it is possible that in the future the involvement of wider sections of society will be involved, and therefore the attitude towards the phenomenon of student war is gaining interest. The article is devoted to understanding the results of the study conducted through the case study methodology - respondents were asked to comprehend two opposing evaluative positions on the war, indicating their commitment to one of them. The results of the study show that, in general, the studied aspects of the consciousness of young people (primarily boys) fit into the trends of the demobilization society, more inclined to condemn war (the attitude of peace-loving humanism) than to see it as a test and a means of self-affirmation (the model of traditional masculinity). This picture is quite adequate to current tactical tasks, but if strategic prospects are updated, it will require adequate measures for, at a minimum, serious adjustment.*

Key words: *demobilization society, case study method, novel "In the Line of Fire", peaceful humanism, model of traditional masculinity.*

Введение. Нынешний внешнеполитический контекст, так или иначе актуализирует военную проблему. Из нее вытекает ряд частных вопросов - какова природа современной войны, степень необходимости участия в ней общественных ресурсов, наконец, война в качестве субъективного (мировоззренческого) феномена. В апреле нынешнего года на Грушинской конференции в Москве директор Центра анализа стратегий и технологий Р. Пухов в своем докладе «Новая «нормальность» войны: контуры, решения, проблемы» в общих чертах довольно точно зафиксировал состояние военной составляющей современного общества, определив его состояние как *демобилизационное* [1].

По мысли Р. Пухова, война – не есть нормальное состояние человеческого общества и государства, а тем более война тотальная, предполагающая вовлечение всего социума. Состояние войны является абсолютным стрессом для всех аспектов национальной и государственной системы, в первую очередь вооруженных сил. Современное урбанизированное гражданское общество – принципиально не военное. Россия, большинство западных и крупных азиатских стран много десятилетий не сталкивались с войнами, фактически став демобилизованными обществами. Такого рода обществам уже на протяжении нескольких поколений не приходится иметь дело со стрессом сверхусилий во время провозглашаемых государством «общенациональных» целей. Они не жертвовали ничем серьезным – ни жизнями, ни уровнем потребления, не переживали значительных потерь, не сталкивались с массивной военной пропагандой и военным информационным воздействием. Внезапно нагрянувшее СВО, которое никак не планировалось в качестве длительной затяжной войны, оказало поначалу шоковое воздействие на власть, население, армию. Но власть сумела решить грандиозную задачу поддержания общества в демобилизационном состоянии, сохранив образ нормальности и стабильности социальной жизни, а из ведения СВО сделав нечто вроде параллельной реальности, в которую нецелесообразно вовлечение «посторонних». Это подается автором как огромный успех, ведь в ином случае и единство нашей страны, и ее целостность оказались бы под большой угрозой.

Такой подход, отражающий официальную внутривластную линию, адекватен при решении тактических задач. В настоящий момент специальная военная операция вылилась в форму затяжной локальной войны, и те шаги российского руководства, которые перечисляет автор, действительно позволяют поддерживать общество в демобилизационном состоянии. Однако сомнительно, что подобная модель лишена стратегических уязвимостей, на что указывают критики данного подхода [2], и что вскользь признает и сам Р. Пухов, заключая, что главный вопрос для российской стороны – насколько долго удастся сохранять нынешнюю «демобилизационную систему» [1].

Здесь мы не намерены заниматься основательным разбором приведенного подхода и его критики. Наша цель заключается в эмпирической верификации тезиса о демобилизационном обществе на молодежном, а конкретнее студенческом сегменте. В качестве ключевой задачи выступало отношение современных студентов к войне, которая при всех своих трагических последствиях выступает неоднозначным явлением. Так, и западные (М. Уолцер) и незападные (А. Керсновский) авторы не отрицают феномен справедливых войн. С другой стороны любая война как таковая предполагает различные аксиологические рассуждения среди интеллектуального и культурного истеблишмента. Например, участники Первой мировой войны известные писатели Э. Ремарк и Э. Юнгер. Если первый резко осуждает войну в своих романах («На Западном фронте без перемен», «Время жить и время умирать»), тогда как второй стремится придать ей одухотворенный смысл («В стальных гро-

зах»). Как считал видный немецкий историк и мыслитель XIX в. Г. Трейчке, именно на войне проявляется человеческая сущность, так как в тех условиях материальные интересы отходят на второй план, уступая место политической природе и благородным ценностям [3].

Методология, инструментарий, эмпирическая база исследования. Для решения обозначенной задачи мы привлекли метод кейс-стади (casestudy), под которым ученые Чикагской школы социологии понимают неколичественные исследования, «ориентированные на понимание социальной жизни через представления действующих лиц» [4]. Для настоящего исследования студентам-респондентам было предложено прочитать и осмыслить соответствующего содержания текст, изложив результаты своего анализа в виде эссе. В качестве текста послужил отрывок из романа современного испанского писателя Артуро Переса Реверте «На линии огня», сюжет которого затрагивает Испанскую гражданскую войну 1936-39 гг., а конкретнее эпизод одного из ключевых сражений – битвы на Эбро (лето-осень 1938 г.). В качестве героев выступили два солдата Национального фронта – рядовой Х. Горгель и капрал Селиман аль Бурруди, придерживающиеся противоположных взглядов на сущность войны, выдвигая здесь собственную мировоззренческую аргументацию.

Х. Горгель, бывший плотник, 34 года, политикой никогда не интересовался – «мне что те, что эти». На войну Горгель попал чисто по мобилизации и в ходе службы всячески стремился избегать боев, но когда все же попадал туда в силу объективных обстоятельств, то старался под любым предлогом оставить позиции (в романе описывается случай, как он специально выставлял из окопа руку, надеясь получить легкое ранение и отправиться в тыл). Будучи человеком максимально прагматичным, Горгель в качестве обоснования своих действий ссылается на то, что его заставили участвовать в этой войне, хотя он совершенно отчужден от политики. «И коммунисты мне ничего плохого не сделали, пока не начали пулять в меня. А пуляют потому, что я здесь, а не у себя дома, где мне и полагается быть» [5]. Горгель осуждает войну на том основании, что на ней он вынужден совершать «гнузости», «гадкие подлые поступки», по всей видимости подразумевая здесь участие в боях и убийствах.

Селиман аль Бурруди, марокканец, около 40 лет, участвовал в Рифской войне (1921-26 гг.) против испанцев, а после ее окончания жил на территории, за которой Испания установила контроль. После начала гражданской войны вступил в подразделение «регуларес» (марокканские части, воюющие на стороне генералиссимуса Ф. Франко). В боях демонстрирует твердость и храбрость. Селиман является носителем традиционных ценностей, в ходе объяснения собственных действий исходит из логики маскулинной идеологии, приписывающей мужчине соответствующий набор качеств – хладнокровие, храбрость, жесткость и т.п. Оппонируя Горгелю, утверждающего, что его заставили участвовать в войне, Селиман считает, что война – есть героическое испытание, данное свыше. «Это не важно – заставили или нет. Мужчина должен сражаться, когда должен. Женщины остаются дома с детьми и стариками, а мужчины воюют. ...А когда воюют, делают и хорошее, и плохое... Когда ты на война, воюешь за свою честь, за начальников и товарищей... А не только за деньги и еда. Из души твоей идет мрак, но идет и свет... И ты гордишься тем, что ты мужчина и ведешь себя как мужчина» [5]. Тем самым Селиман рассматривает войну не только через необходимость следовать долгу, но также в качестве шанса мужского самоутверждения, посредством преодоления данного испытания.

Таким образом данный отрывок представляет собой определенный дуализм, столкновение двух мнений по поводу отношения к войне и участия в ней. Студентам предлагалось посредством эссе осветить вопрос – какую из двух позиций они склонны поддерживать и почему именно. При этом предложенный респондентам отрывок представлял исключительно размышления о войне и не включал факты поведения обоих названных героев по ходу сюжета романа, что явно бы склонило симпатии опрашиваемых на сторону Селимана.

Предпочтение позиции Горгеля связывалось с установками негативного восприятия войны, в то время как как поддержка точки зрения Селимана указывает скорее на неоднозначность оценки войны. Выявление подобных установок вряд ли можно расценивать в качестве основной причины возможного участия респондентов в войне или, наоборот, стремления ее избежать. Тем не менее, в данном обстоятельстве можно увидеть некую морально-психологическую предпосылку поведенческого выбора. Кроме того, форма эссе позволяла выявить, какой логикой руководствуются нынешние молодые люди, индивидуально оценивая феномен войны.

Объектом исследования послужили социальные представления представителей студенческой молодежи

Предметом исследования выступает та сторона социальных представлений, которая связана с восприятием феномена войны, его осмыслением и отношением к нему.

Ключевыми понятиями здесь выступают *социальные представления* и *маскулинная идеология*.

Маскулинная идеология представляет собой систему представлений, предполагающую устойчивость традиционных принципов формирования гендерной составляющей социального порядка. В рамках маскулинной идеологии мужчине и женщине довольно жестко приписываются определенные социальные позиции и функции: мужчина берет на себя роль защитника, добытчика, тогда как роли женщины главным образом выстраиваются вокруг поддержания домашнего уюта, воспитания детей. В связи с этим поведение мужчины находится под воздействием жесткого нормативного кодекса – держать чувства под контролем, проявлять храбрость и твердость и т.д. и т.п.

Социальные представления – понятие, методологически центральное в концептуальных построениях С. Московичи. Здесь предполагаются образовавшиеся установки людей, которые являются собой «закваску» «бродило» с одной стороны теоретических моделей (морали, идеологии, религии), а с другой стороны – обыденного знания или «здравого смысла». Причем, обыденное сознание является собой результат «погружения» в реальный социальный контекст, переработку впечатлений от этого контекста [6].

Указанное исследование носило количественно-качественный характер. В написании эссе приняло участие 189 студента второго курса факультета государственного и муниципального управления, строительного факультета, факультета ветеринарной медицины, факультета цифровой экономики, наконец, факультета информатики. Большинство опрошенных – девушки (106), тогда как парней оказалось несколько меньше – 83. Такое соотношение отражает общий расклад количества юношей и девушек на указанных факультетах. Хотя социальные роли девушек куда меньше ассоциируется с участием в военных действиях, чем парней, тем не менее их позиция выступает одним из важных источников маскулинной идеологии. Как правило, именно женщина определяет – насколько соответствует конкретный индивид образу «настоящего мужчины», а это обычно мощный фактор поведения «сильного пола». То есть в значительной степени позиция женщины отражает смысл «зеркального Я», известного концепта Ч. Х. Кули.

Результаты исследования. Общий количественный результат получился следующим. Позиция Горгеля была поддержана в 98 эссе, из которых 46 авторами являются юноши. Высказали склонность к позиции Селимана 49 авторов эссе, из которых юношей 17, а остальные – девушки. В 42 работах (22 девушек и 20 юношей) четких предпочтений не было обозначено – авторы эссе колеблются. В процентном выражении весь расклад представлен в таблице 1.

Закономерно, что поддержка Горгеля в текстах эссе опирается на логику отрицания войны. *«Не вижу ничего хорошего в войне, она не имеет никакого смысла, что у одних задача уничтожить противника, что у других. И что одни больше всего желают выжить, что другие».*

Таблица 1 Отношение к модели восприятия войны опрошенных студентов в %

	Поддержка позиции Селимана аль Буруди	Поддержка позиции Горгеля	Нейтральное отношение
Юноши	20%	55%	24%
девушки	30%	49%	21%

Большинство респондентов, выбравших сторону Горгеля, полагают, что его позиция обусловлена гуманистическими ценностями, обращая внимание на его слова, что на войне «мы совершаем гнусности» «гадкие, подлые поступки». На самом же деле, как следует из общего содержания романа «На линии огня» такого рода «гуманизм» названного героя объясняется отнюдь не приверженностью высоко моральным приоритетам, но его предельно приземленной сущностью и банальным стремлением выжить. Так непосредственно на поле боя Горгель всячески стремится улизнуть оттуда под любым предлогом, не думая о судьбе своих сражающихся товарищей. Когда линию обороны, где находится Горгель наконец все же берут республиканцы, он, стремясь выслужиться в плену, сдает им командира – стойко сражавшегося майора Индурайна, которого тут же расстреливают. Во многом образ Хинеса Горгеля заставляет вспомнить героя известного романа об уже отечественной гражданской войне Павла Мечика (А. Фадеев «Разгром»).

Предполагая причину того, почему сторонники позиции Горгеля стремятся приписать ему гуманистические мотивы, имеет смысл обратиться к размышлениям итальянского мыслителя и классика социологии В. Парето, стремившегося к глубокому проникновению в суть индивидуальных

идеологических механизмов. Любому человеку присуще стремление объяснить собственный поступок в рамках логически приемлемой схемы, пусть такого рода объяснение будет серьезно расходиться с истинными причинами упомянутого поступка. С этой целью человек берет на вооружение уже имеющиеся формы идейных представлений, в качестве которых зачастую выступают распространенные в обществе моральные предписания [7].

Представляется, здесь мы можем выдвинуть пусть и гипотетическое предположение, что модель гуманизма выступила удобным маскировочным средством, скрывающим нежелание участвовать в военных действиях, которые проходят совсем рядом с нашим регионом. При этом более активно несуществующим гуманизмом Горгеля оперируют юноши, подавляющее большинство которых заявляют о поддержке точки зрения данного героя. *«Он не считает, что война – это хорошее дело и истинное благо и именно поэтому его точка зрения мне ближе, чем точка зрения капрала».* Или *«война действительно ужасна тем, что в бывшие плотники и торговцы, которые могли в жизни не встретиться, попадают в ситуацию, где вынуждены убивать друг друга... Ведь далеко не всегда тебе попадет такой человек как Горгель».*

И все же война, как и любое социальное явление, предполагает определенную амбивалентность. Например, старейший отечественный исследователь обществовед и историк А. Галкин, участник Великой Отечественной войны констатирует, что «любая война - даже самая оправданная, самая справедливая - это величайшая трагедия для всех и каждого», и тем не менее он признается, что не может не видеть положительных ее результатов: «война превратила меня - баловня семьи и "книжного червя", плохо знавшего реальную жизнь, в мужчину, умеющего держать удар и добиваться поставленной цели. На войне я научился не падать духом - даже тогда, когда все кругом кажется черным, а из сложившейся ситуации не просматривается выход, отличать истинные ценности от мнимых, презирать болтунов и трусов и ценить настоящую дружбу» [8].

Для аргументации собственных антивоенных позиций некоторые респонденты прибегают к религиозной легитимации: *«Шестая Божья заповедь гласит: «Не убий», значит война – не воля Бога».* Антивоенные позиции некоторых респондентов могут складываться под непосредственным воздействием факта СВО *«для меня прекрасным антивоенным примером является СВО...данная война не несет в себе весомых причин, просто мнения людей разделились, в результате чего два братских народа оказались по разные стороны баррикад».*

Некоторые авторы эссе симпатии к Горгелю выводили из сравнения с Селиманом, образ которого ими примитивизируется и даже где-то демонизируется: *«Горгель в этой ситуации ведёт себя как подobaет любому человеку со здоровой моральной составляющей, а Селиман за маской праведного война является лишь мародёром»;* *«Селиман будучи уроженцем страны третьего мира, ...не понимает ценности человеческой жизни, за пределами примитивного деления на свой – чужой. Для него смерть людей оправдана тем что ему сказали вышестоящие.... Его восприятие войны усугубляются догматами ислама, согласно которым война с неверными священна и богоугодна. Столь поверхностное мировоззрение, беспочвенное воспевание лидера его стороны, и отсутствие сострадания к любым жертвам войны делают его идеальным солдатом для национального фронта и в то же время пушечным мясом, расходным материалом»;* *«Мне ближе более гуманный взгляд на войну. Позиция Селимана мне не близка. ...он мне кажется, абсолютно неосознанным, он видит войну через призму «наши или чужие» не задумываясь о последствиях их смерти».* *«Селимана интересуют деньги, слава, честь и сила. Для меня это варварская позиция».*

Однако из содержания романа можно заключить, что Селиман отнюдь не чужд собственного понимания гуманизма, который более искренен «гуманизма» Горгеля, хотя бы потому, что проникнут духом товарищества и взаимовыручки. Когда Горгеля «закрыли» франкистские спецслужбы на основании подозрения в неблагонадежности, Селиман буквально спас того, разыскав офицера, под командованием которого они участвовали в бою, и тот написал бумагу-свидетельство за Горгеля.

Что касается содержания эссе, где высказывались симпатии к Селиману, то здесь некоторые авторы видят проявление чувства долга: *«Селиман не размышляет о политике и глубоких причинах войны, он просто выполняет свой долг солдата».* *«Веря в предопределение, Селиман принимает участие в войне как священный долг, который делает его сильнее».* Есть также точки зрения, что война – испытание, которое предлагает судьба не только ожесточает, но и облагораживает, а также дает возможность определить – кто есть кто. *«Я тоже считаю, что если судьба приподнесла мне такое сложное испытание, то настоящий мужчина должен сражаться»;* *«Он (Селиман) считает, что мужчина должен сражаться, когда обстоятельства этого требуют, подчеркивая раз-*

деление ролей между мужчинами и женщинами во время войны»; «Долг каждого мужчины – защищать свою Родину, а не жаловаться на обстоятельства»; «Он (Селиман) олицетворение настоящего мужчины, служащего примером для других людей».

Между тем, при том, что сторонников Горгеля в два раза больше, во многих такого рода текстах ощущается стремление понять и оправдать его поступки, приписать его непатриотизм объективным обстоятельствам, принимая довод названного героя, что на войну он попал вопреки намерениям. *«Он (Горгель) не дезертир или предатель, а лишь жертва мобилизации». «Более верный взгляд Хинеса на войну, поскольку никто не обязан воевать и отдавать свою жизнь за чьи то интересы». «Почему каких-то политиков должны защищать обычные жители этой страны... всех их мать родила не для того, чтобы умереть за просто так».* Как представляется, авторы подобных рассуждений все же принимают во внимание то обстоятельство, что ценности патриотизма самодевлеют и необходимо объяснять их обход.

В то же время есть мнения, подвергающие сомнению традиционный взгляд на мужественность: *«Мужские поступки можно продемонстрировать иначе, поэтому мне ближе точка зрения Горгеля»; «Нельзя винить и осуждать тех, кто не хочет идти на фронт, это их выбор, им может быть страшно или же они просто не хотят покидать родной дом, но это же не значит, что такие парни перестают быть мужчинами».* В подобных эссе, авторы которых – девушки, просматриваются тенденции размягчения жестких принципов маскулинной идеологии, что является своеобразным отражением общественных трансформаций.

Между тем среди содержаний эссе привлекают внимание около 2-3, где опрошенные демонстрируют социальный прагматизм в широком социетальном смысле. *«Точка зрения Горгеля является более грамотной и подходящей под условия современного общества».* То есть здесь автор фактически отнес позицию Горгеля к одному из основных нарративов демобилизационного общества. В другом эссе очень верно подмечается идеологический коллапс, выступающий едва ли не распространенной социальной нормой: *«В современном мире потерялось понятие «священной войны», войны за идеалы».*

Некоторые авторы исходят из вполне адекватного понимания, что количественно носители героического духа или пассионарии всегда в меньшинстве. *«Защищать честь своего государства надо, но это должны делать профессионалы. Точка зрения Селимана имеет место быть, но она касается конкретных людей, а не всего общества»; «Воевать должны только те, кто реально готовы к этому и заинтересованы в этом».*

В некоторых эссе авторы видят в Селимане более цельную личность, чем Горгель. *«Он (Селиман) признает тяжесть своих поступков, но в то же время находит в себе силы справиться с этими испытаниями и стремится к светлому и гордому идеалу мужества и преданности. ...его точка зрения кажется более цельной и морально принципиальной по сравнению с колеблющимися взглядами Горгеля». «Мне нравится Селиман потому что он предстает в отрывке как крайне интересный и многогранный персонаж. Он гордый и храбрый воин, но также и чувствительный и сострадательный человек».*

В то же время закономерно, что только позиция Селимана отождествляется с патриотизмом и примером для других. Причем это высказывают как симпатизанты Селимана: *«Селиман считал долгом защиту Родины»; «Я выступаю за Селимана, потому что он олицетворяет настоящего воина, ... является истинным выражением мужества и человека, достойно проживающего свою жизнь, хороший пример для будущего поколения»,* так и приверженцы его оппонента – Горгеля. *«Мне не близки мысли Селимана, так как он будто помешен на войне.... Но все же в его действиях и словах проявляется некий патриотизм, стремление защитить свою честь, товарищей, страну»*

Имеются случаи, когда склонность к поддержке позиции Селимана обусловлена личным опытом респондента: *«Я уважаю мусульманский дух Селимана. Мой отец сейчас воюет на СВО, при необходимости я тоже пойду защищать свой дом. Я вырос на Кавказе среди мусульман, которые готовы ради Всевышнего Аллаха пойти в бой, несмотря ни на что».* То есть в данном случае склонность поддержать более воинственную позицию здесь объясняется в том числе влиянием традиционных кодексов (например, Адыге-хабзэ), распространенных среди кавказских народов.

В эссе одной из респонденток просматривается, что его автор как будто интуитивно ощущает большую актуальность на сегодняшний момент именно модели поведения Селимана. *«Мы, женщины, нуждаемся в вашей защите. К сожалению, не получается всегда полагаться на судьбу. Без ваших и наших с вами действий, ни страна, ни общество никогда не смогли бы достичь такого развития и мощи. Ближе для меня точка зрения Селимана. При необходимости я и сама встану на защиту своей страны».* Другая респондентка констатирует: *«Глупо кричать, что войны нам не*

нужны. Война будет всегда. ... Любой здравомыслящий человек – мужчина или женщина – должны быть морально готовы к началу войны. Мы должны мужаться и быть готовыми защищать границу и интерес своей Родины».

Наконец, респонденты, не определившиеся с четким предпочтением, склонны в равной мере принимать во внимание логику обеих позиций. *«Война – это ужасное преступление, которого стоит избегать любым мирным путем. Но если уладить конфликт не удалось, то надо встать на защиту Родины. Прятаться и бежать – не выход».* А в одном из эссе автор высказывает по сути диалектическое соображение: *«Сейчас я по мнению ближе к Горгелю, поскольку в моей жизни не было моментов, что навело бы меня на мысль о необходимости воевать, однако не отрицаю того факта, что порой борьба интересов с пролитой кровью остается единственным выходом».*

Заключение и выводы. Резюмируя анализ содержаний эссе, мы предлагаем следующие выводы.

Во-первых, очевидно, что тексты эссе в содержательном плане располагаются между двумя в некотором роде полярными позициями – *миролюбивого гуманизма*, осуждающего войну вообще, а также *традиционной мужественности*, выстраиваемой вокруг постулатов идеологии маскулинности, приписывающей жесткое разделение гендерных ролей, где война есть дело мужчины. Распространена точка зрения, что война прежде всего дело профессионалов, а также людей определенного психологического склада. Большая часть респондентов отвергает вовлечение в военные действия без крайней необходимости, что вполне соответствует транслируемым и поддерживаемым властью трендам и нарративам демобилизационного общества. В то же время поддержка модели абстрактного гуманизма не говорит о твердом намерении избегать участия в военных действиях, но вполне может рассматриваться в качестве индивидуальной психологической предпосылки к данному поведению. То же самое справедливо и в отношении противоположной позиции.

Во-вторых, позиция традиционного взгляда на войну (Селимана), степень актуализации которой вполне может возрасти, поддерживается в большей степени девушками, чем юношами. Здесь можно предложить следующие объяснения. С одной стороны возможна большая приверженность слабого пола принципам традиционной маскулинности – мужчина отождествляется с силой и в случае чего, обязан уметь давать отпор, воевать и т.п. Но, с другой стороны, можно допустить, что девушкам объективно менее грозит вовлечение в СВО в случае официальных мероприятий – мобилизации и пр., и их оценки – во многом взгляд «со стороны».

Объективно подавляюще большая часть авторов эссе, юношей, которые выступают потенциальным ресурсом для ведения военных действий, продемонстрировала склонность поддерживать «антивоенную» позицию, вписывающуюся в тренд демобилизационного общества (46 против 17). Это наводит на мысль, что, несмотря на декларируемую в общественных дискурсах готовность к патриотическим действиям, далеко не все молодые люди будут готовы вот так сразу поставить на кон свою жизнь. И многие в качестве аргумента оперируют моделями абстрактного гуманизма, осуждающего войну в любых ее проявлениях. По поводу данного факта нам видится его обусловленность тремя обстоятельствами.

1) *Цивилизационный источник.* Тренд выхолащивания и упадка социального ресурса мужественности, ассоциируемой в первую очередь с мужским поведением. Данная тенденция выступает обратной стороной развития мировой цивилизации, что констатируется практически всеми авторами, затрагивающими подобную проблематику, при их неодинаковых аксиологических позициях [9; 10]. Вовлеченность и затягивание в культуру потребления неизменно выхолащивает достигательские стремления, и российская молодежь, к сожалению, не избегает этого.

2) *Идеологический источник.* С одной стороны, официальная власть делает ставку на модель демобилизационного общества в качестве социальной нормы. С другой стороны, налицо продолжающаяся весь постсоветский период анонимизация и ценностная деформация, что объясняется отсутствием вот уже четвертое десятилетие полноценной общероссийской идеологии, которая в данном случае служила бы духовным базисом. Доминируют не общенациональные, а корпоративные (групповые) ценностные стандарты и установки, что проявляется в том же отношении к специальной военной операции.

3) *Психофизиологический источник* – некоторые осуждающие войну юноши, могут попросту исходить из собственной субпассионарной (в трактовке Т. Ибатуллина [11]) сущности. Люди подобного склада вряд ли способны принять войну и видеть ее конструктивную составляющую.

В-третьих, при том, что поддержание трендов демобилизационного общества выступает в настоящий момент одной из задач российской внутренней политики, это указывает на приоритет

тактических задач. Вместе с тем необходимо принимать во внимание проблему не только поддержания, но и расширения потенциала российского общества в случае вовлечения его в более масштабное противостояние, что в обозримой перспективе не представляется невероятным. Другими словами, если ставить вопрос в стратегическом разворачивании, полученные результаты исследования сознания российской молодежи на предмет его отношения к войне должны, как минимум, настораживать, побуждая к конструктивному осмыслению мер по исправлению ситуации. Возможно, это тема дальнейших наших разработок.

Литература

1. Новая "Нормальность" войны. Директор ЦАСТ Руслан Пухов на Грушинской конференции. -- [Электронный ресурс] – URL: <https://bmpd.livejournal.com/4815781.html> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Валевская Ж. Спи, страна огромная! -- [Электронный ресурс] – URL: <https://after-shock.news/?q=node/1426104> (дата обращения: 17.10.2024).
3. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до Украинского кризиса / Г. Меттан. – М.: Паулсен, 2016. – 464 с.
4. Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2004. – 768 с.
5. Перес-Реверте А. На линии огня. – М. Иностранка, 2022. – 608 с.
6. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 2. – С. 5-11.
7. Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 272 с.
8. Говорят социологи – участники Великой Отечественной войны // Социологические исследования, 2005, № 5 – С. 3-8
9. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 – 496 с.
10. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулуниц Г.А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2022. №9. – С. 28-41.
11. Ибатуллин Т.Г. Война и плен /Т. Ибатуллин // Проблемы военной психологии. Хрестоматия. Под общ. ред. А.Тараса. Минск: Харвест, 2003 – С. 523-637.

References:

1. New "Normal" of war. Director of CAST Ruslan Pukhov at the Grushinsky conference. -- [Electronic resource] – URL: <https://bmpd.livejournal.com/4815781.html> (access date: 10/12/2024).
2. Valevskaya J. Sleep, huge country! -- [Electronic resource] – URL: <https://after-shock.news/?q=node/1426104>(access date: 10/17/2024)
3. Mettan G. West - Russia: the thousand-year war. History of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis / G. Mettan. – M.: Paulsen, 2016. – 464 p.
4. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Methods of sociological research. M.: INFRA-M, 2004. - 768 p.
5. Perez-Reverte A. On the line of fire. – M. Inostranka, 2022. – 608 p.
6. Moscovici S. Social representations: a historical view // Psychological journal. 1995. No. 2. – p. 5-11.
7. Rakhshmir P.Yu. Ideas and people. Political thought of the first half of the 20th century. Perm: Perm Publishing House. Univ., 2001. – 272 p.
8. Sociologists - participants in the Great Patriotic War say // Sociological Research, 2005, No. 5 - p. 3-8
9. Kon I. Man in a changing world. M.: Vremya, 2009 – 496 p.
10. Tambiyants Yu.G., Shalin V.V., Dulunts G.A. The dynamics of masculinity as a prerequisite for the deformation of the gender order: historical aspects // Theory and practice of social development. 2022. No. 9. – p. 28-41.
11. Ibatullin T.G. War and captivity / T. Ibatullin // Problems of military psychology. Reader. Under general ed. A. Taras. Minsk: Harvest, 2003 – p. 523-637.